

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины

**Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Кафедра истории древнего мира и средних веков**

**Одесский археологический музей
Национальной Академии Наук Украины**

**Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья
Национальной Академии Наук Украины**

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск IX

Одесса

ФЛП «Фридман А.С.»

2011

ББК 63.3(237Ук,7)

Д 73

УДК 902/904

Рекомендовано к печати Ученым Советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Протокол № 5 от 21 февраля 2011 г.

Древнее Причерноморье. Выпуск IX / Глав. ред. И.В. Немченко. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. – 520 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов IX Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 11-13 марта 2011 г. и была посвящена 90-летию со дня рождения этого выдающегося ученого. Выпуск включает статьи по проблемам нумизматики, эпиграфики, археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:

Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор.

Демин О.Б. – д.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова.

Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова.

Луговой О.М. – к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, технический редактор.

Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ.

Русsev Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинэу, Молдова).

Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. Отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ.

Смынтына Е.В. – д.и.н., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Рецензенты:

Бруяко И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ.

Сорочан С.Б. – д.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

*Издание осуществлено при финансовой помощи **Владимира Владимировича Левчука и Владимира Алексеевича Кравца.***

ISBN 966-96181-5-1

© Кафедра истории древнего мира и средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2011

Н.Н. Болгов, А.М. Болгова, М.Л. Рябцева (Белгород, Россия)
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
ПОЗДНЕБОСПОРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ¹

В вопросе об исторической эволюции позднебоспорской государственности на первый план выходит ряд проблем: о характере континуитета и преемственности форм политической организации, о сущности «гуннского протектората» на Боспоре, о кризисе боспорской государственности в связи с общим кризисом античной цивилизации, о формах этого кризиса. Историческая эволюция позднебоспорской государственности тесно связана с комплексными и частными причинами гибели античной цивилизации. В периоды кризиса и разрушения цивилизаций важнейшую роль играет состояние государства.

В свое время И.Т. Кругликова, не отрицая того, что после прихода гуннов боспорская государственность сохранилась, отметила, что «возникшее на развалинах Боспорского царства государство носило уже иной (не античный) характер, приближаясь, вероятно, к варварским государствам раннего средневековья»². Выказанный лишь в качестве общего суждения, этот тезис, несомненно, не учитывал того обстоятельства, что история и материальная культура Боспора IV–VI вв. есть логическое продолжение предыдущего этапа, а не совершенно новый. Политическая структура Боспора после гуннов была в большей степени позднеантичной, нежели сходной с варварскими королевствами. Видимо, И.Т. Кругликова под варварским характером государства подразумевала как необратимую варваризацию самого Боспора, так и «гуннский протекторат» над ним. Этот вопрос нуждается в уточнении.

В определении типологии варварских королевств раннего средневековья двумя важнейшими факторами будут следующие:

- наличие самостоятельных, выросших «снизу» и естественным образом политических институтов;

- «перевес» на общей чаше весов между Римом и варварами в пользу варваров, обозначившийся вполне определенно с конца IV в., приведший к расселению варваров с оформлявшейся их собственной государственностью на территории империи и к глубокому культурному синтезу.

В отличие от них, Боспорское царство с самого начала своей истории носило смешанный этнический характер, в целом определяемый как боспорский локальный вариант античной культуры. В рассматриваемый период времени варварские вторжения извне застигли здесь уже давно сложившееся государство античного типа с тысячелетней традицией. Это – первое принципиальное отличие Боспора от варварских королевств. Готы, начиная с III в., не оказали заметного влияния на политические институты Боспора, а «протекторат» гуннов-утигуров в конце V – начале VI вв. в миниатюре должен был повторять систему взаимоотношений между гуннами

Аттилы и Римской империей в середине V в. Кроме того, сами векторы эволюции варварских королевств и Боспора были разнонаправленными – варварская государственность находилась на восходящей, позднеантичная боспорская – на нисходящей линии.

Остаётся сравнить характер варваризации. Казалось бы, и Боспор, и варварский Запад в этом отношении очень похожи. Но и здесь мы отмечаем принципиальную разницу. Варваризация Боспора не перешла «критической черты»: в своей основе это было государство, по-прежнему базировавшееся на античной традиции (греческий язык, античные формы материальной культуры, политические традиции). Греческое население на Боспоре бытует и после XIII в. В варварских королевствах же, несмотря на численное преобладание позднеримского населения, тенденция к его варваризации была очевидной и вскоре привела данный этнос к практически полной трансформации.

В отличие от варварского королевства, в котором варвары и «римляне» формально живут каждый по своим законам, но над теми и другими стоит король-варвар и его войско, на Боспоре ни один из гуннских риксов не был правителем Боспора и боспорян, никогда не имело силы варварское право (у гуннов бытовало, по всей видимости, лишь обычное право). Боспор сохранял по меньшей мере до конца V в. собственную царскую власть, прежнюю династию и счет лет.

Варварские королевства возникают в результате завоевания территории с позднеантичной государственной организацией, причем варвары используют элементы этой государственности (налоговую систему, территориальное деление, таможенную и монетную системы и т.д.). На Боспоре фактора внешнего завоевания не было.

На Боспоре хранителем античных традиций выступает само государство, т.е. центральная власть, в совокупности со всем населением, а в варварских королевствах – бывшие римские муниципии, гражданские общины. На большинстве территорий, подпавших под власть варваров в Западной Европе, гражданские общины сохраняются и действуют преимущественно как общины христианские, но в традициях города империи³. Взимание продуктового, а может быть и денежного налога в пользу варваров было возможно при содействии муниципальных властей, поэтому город еще в конце V в. функционировал как финансовый организм. Еще одна роль позднеримского города – культурно-идеологическое воздействие в варварской среде, которое исходило от церкви и распространялось на значительные территории путем миссионерской деятельности⁴. Важное значение имело также сохранение экономической базы западноримских городов – сельской округи, земли. В тех государствах, где позднеантичные города были лишены земли (вандалская Африка), они утратили свой прежний характер, их сенаты либо исчезли, либо стали придатками власти короля⁵.

В Восточной Римской империи город, в основном, сохранял свой позднеантичный характер вплоть до самого конца античности. Боспорский город в силу особенностей исторического развития региона не был точной копией ранневизантийского города (как Херсонес). Города Боспора зависели от царской власти, а после ее ослабления реальная власть в обособлявшихся друг от друга микрорайонах с преимущественно натуральным хозяйством переходила не к «городскому гражданству», а к боспорским «сильным людям» – знатным родам, зачастую сармато-аланского происхождения, усвоившим греческий язык и боспорскую культуру. В состав этой знати влилась и часть готов. Эти люди имели землю и возможность участия в гуннских грабительских походах. В силу ряда причин они были заинтересованы в сохранении боспорского государства, без которого не мыслили своего существования. Всё остальное население, вместе живя и обороняясь в отдельных территориальных микрорайонах, также выступало хранителем тысячелетнего уклада жизни на Боспоре. Очень слабое, но важное влияние оказывал и фактор клиентской зависимости Боспора от империи.

Итак, в позднеантичное время развитие различных частей периферии римского мира пошло различными путями. На Западе варварская периферия после перелома во взаимоотношениях с империей хлынула на территорию западных провинций и затопила их, поглотив остатки государства. На Востоке полоса буферных государств (в основном восточного происхождения и характера, кроме Боспора)⁶ постепенно превращается в «византийское содружество наций»⁷.

Следовательно, поздний Боспор и синхронные ему варварские королевства Западной Европы представляют собой хотя и сходные по ряду внешних признаков, но типологически совершенно различные государства и общества, с разнонаправленными векторами развития, различным «возрастом» цивилизации и различными историческими судьбами. Тем не менее, все они в равной мере являются политическим феноменом переходной эпохи от античности к средневековью.

Вместе с тем, Боспор еще в V в. имел немалый потенциал в рамках поздней античности. Как ни парадоксально, но главными хранителями прежнего уклада жизни на Боспоре стали знатные роды греко-сарматского (отчасти готского) происхождения. Именно они в I половине V в. обладают монополией на участие в гуннских походах, они же во 2-й половине V в. контролируют внешнюю торговлю. Наследственные родовые склепы в Керчи говорят о мощи боспорской аристократии в V в.⁸ Для поздней античности вообще характерен счет родства по-семейному⁹. Это говорит о преемственности традиций и континуитете господствующего класса Боспора на протяжении всех «темных десятилетий». При этом частнопровольные отношения постепенно выходили на первое место, что, в общем-то, не случайно: личные связи всегда возрастают там, где распадается

государственный авторитет¹⁰. Этот процесс не был исключительно боспорским феноменом. Общеизвестна роль варваров в истории поздней Римской империи. Да и формы организации общественной жизни во многих провинциях империи претерпевали сходную эволюцию, с той лишь разницей, что там можно провести точную грань конца поздней античности – дату прекращения действия римской администрации (эвакуация Норика, Британии, Оверни). Значительная роль боспорской аристократии, видимо, оказала влияние на некоторое оживление экономики Боспора в V в., которое «было проявлением именно внутренних процессов в жизни края и определялось не Византией»¹¹. Влияние Боспора на окружающий его племенной мир было столь ощутимым, что Л.А.Мацулевич назвал его «феодальным центром широкой области» (термин «феодальный» в данном случае нуждается в уточнении)¹².

Как уже отмечалось, проблемы государственно-политического континуитета на Боспоре в позднеантичный период являются одними из наиболее острых. В принципе определились два основных подхода. Суммарно и схематично их можно определить как: 1) идея расцвета (или, осторожнее, благополучного существования) государства на Боспоре в V в.; 2) идея угасания государства при континуитете материальной и духовной культуры. Эта проблема в высшей степени важна еще и потому, что состояние государства прямо и непосредственно (наряду с комплексом других причин) повлияло на пути трансформации западно- и восточно-римского обществ соответственно в западноевропейское средневековое и византийское. На Западе после исчезновения политической власти равенских императоров континуитет происходил в основном в области духовной культуры (в меньшей степени – в области материальной культуры). На Востоке же определяющей и направляющей силой континуитета выступило государство в форме ранневизантийской автократии. Последнее послужило основанием для рождения известной концепции византийского этатизма. Можно ли распространить ее на поздний Боспор?

Если мы вспомним о широком и разветвленном аппарате Боспора до кризиса III в. с обилием должностей (КБН 36), то даже после этого вряд ли кто-либо всерьез будет считать это государство великой державой. Это – периферийное, зависимое от империи, клиентское государство на далекой окраине античного мира. Наследник этого государства – поздний Боспор – явно не мог быть сильнее и могущественнее, тем более оказавшись в эпицентре Великого переселения народов.

Боспор, как северная периферия и «передний край» античного мира, в эту пору испытал серьезнейшие внешние (и вызванные ими внутренние) потрясения. Для трех с лишним столетий и для такого небольшого и изолированного государства, как Боспор этого было более чем достаточно для того, чтобы поставить под сомнение само существование государства.

И все-таки, несмотря на перечисленные обстоятельства, поздний Боспор как государство существовал, и существовал вопреки деструктивным факторам. Его общий облик оставался безусловно позднеантичным. Континуитет во всех его проявлениях (не только в политическом отношении) имел место на Боспоре, с одной стороны, как проявление мощнейшей консервативной силы тысячелетней традиции, а с другой – как преодоление вышеупомянутых глобальных кризисных явлений. Поскольку основные провинции Восточной империи испытывали действие всех этих негативных обстоятельств в гораздо меньшей степени, на наш взгляд, было бы неправомерным механически отождествлять византийский и боспорский варианты континуитета.

Поздний Боспор представляет собой уникальный феномен в истории политических структур древности. Будучи единственным греческим по происхождению клиентским государством эпохи принципата (такое государство можно назвать постэллинистическим), Боспор со второй половины III в. подвергается варварским нашествиям. Сохранив позднеантичный характер своей материальной культуры и своего политического устройства¹³, Боспор IV–VI вв. попадает под готское влияние, а затем под гуннский «протекторат», типологически несходный с варварскими королевствами на Западе. Византийская аннексия Боспора в 534 г. приводит к его включению в орбиту мира восточно-христианского средневековья.

Поздний Боспор находился на перекрестке эпох и цивилизаций. Будучи периферийной зоной античного мира, он пережил перерождение позднего Рима в Византию, а также глобальную смену населения в Великой Степи. Вместе с Византией на смену Риму с его поясом клиентских буферных государств шло «византийское сообщество», члены которого составляли иерархию соподчиненных обществ, находившихся в церковной и политической зависимости от Константинополя. Таким образом, Боспор вошел в лимитрофную зону Византии без серьезных внутренних трансформаций.

¹ Работа подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., Госконтракт П322 «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия».

² Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. – М., 1966. – С. 24.

³ Колосовская Ю.К. Позднеримский город на Дунае и варвары // From Late Antiquity to Early Byzantium. – Praha, 1985. – С.118.

⁴ Там же. – С.119.

⁵ Беляев С.А. Города римской Северной Африки во времена владычества вандалов. – Автореф. канд. дисс. – Воронеж, 1970. – С.19; Дилигенский Г.Г. Северная Африка в IV–V вв. – М., 1961; Диснер Г.-Й. Королевство вандалов: взлет и падение. – СПб., 2002. – С. 160.

- ⁶ Болгов Н.Н. К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV–VI вв.): дескриптивный обзор // Вопросы всеобщей истории и политологии. – Белгород, 1997. – С.35-48.
- ⁷ Оболенский Д. Византийское содружество наций. – М., 1998. – С.35-51.
- ⁸ Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. – М., 1966. – С. 221.
- ⁹ Савостина Е.А. Сакральное пространство и погребальный обряд боспорских гробниц // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. – М., 1990. – С. 224.
- ¹⁰ Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. – Барнаул, 1991. – С. 8.
- ¹¹ Якобсон А.Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА, 21. – 1954. – С. 149.
- ¹² Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе // Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры, 112. – 1934. – С. 116.
- ¹³ Болгов Н.Н. Боспор IV–V вв. и проблема позднеантичных государственных образований. – Автореф. дисс. ... к. и. н. – М., 1994. – С. 11-14; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. – Белгород, 1996. – С. 64-93.

А. Болдуряну, Л. Бакуменко-Пырнэу (Кишинэу, Молдова)
**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОЛДАВСКИЕ МОНЕТЫ,
 НАЙДЕННЫЕ В БЕЛГОРОДЕ-ДНЕСТРОВСКОМ**

Археологические исследования на территории Белгорода-Днестровского, как античной Тиры, так и средневекового поселения (Аспрокастрон, Белгород, Четатеа Албэ, Аккерман и др.), позволили обнаружить большое количество нумизматического материала, хранящегося в различных публичных, а также частных коллекциях в Украине, Молдове, России, и др. Лишь незначительная часть этих находок была введена в научный оборот. До сих пор остаются неопубликованными важнейшие источники, которые содержат ценную информацию по вопросам генезиса и эволюции средневекового поселения, а также военного, политического и экономического значения Белгорода в эпоху средневековья.

В этот контекст вписываются и монеты из частной коллекции из Белгорода-Днестровского, предоставленные авторам для исследования археологом Виктором Кожокару. Рамки настоящей публикации позволяют представить анализ девяти молдавских эмиссий, а также две татарские монеты с надчеканом типа Аспрокастрон из названной коллекции.